

МЕХАНИЗМЫ ИДЕОЛОГИЧЕСКОГО МАНИПУЛИРОВАНИЯ ЛИЧНОСТЬЮ В СОВРЕМЕННОМ СОЦИУМЕ (КОНЦЕПЦИЯ ФРАНКФУРТСКОЙ ШКОЛЫ И ЕЕ АЛЬТЕРНАТИВЫ)¹

В.В. Бурсевич

Республика Беларусь, Минск, Белорусский Государственный Университет

Дискуссия о подавлении творческих способностей личности в современном социуме была начата еще в середине XX века франкфуртскими представителями «западного» марксизма. Современное общество – пишет Г. Маркузе, – «это царство комфортабельной, мирной, умеренной, демократической несвободы, свидетельствующей о техническом прогрессе» (Маркузе Г., 1994). Для характеристики окружающего нас общественного устройства мыслитель вводит понятие «репрессивной цивилизации» (Маркузе Г., 2003), которая в самих своих истоках имеет подавление жизненных инстинктов человека и базируется на принципах господства и принуждения. Однако сегодня ядро репрессивных механизмов конденсируется не вокруг властных институтов, но вокруг феномена идеологии, а точнее, консьюмеристской идеологии индустриального общества, ставшей, по мнению многочисленных исследователей, мягким, но при этом эффективным средством скрытого подавления.

Истоком современного положения вещей М. Хоркхаймер и Т.В. Адорно считают устремление к тотальной рационализации социальной жизни, ставшей основой западной цивилизации еще в эпоху Просвещения, которое и приводит, парадоксальным образом, к последующей неизбежной ремифологизации социальной жизни и господству идеологии потребления. Отмечая тот неоспоримый факт, что для современного общества проблемы экономики и производства постепенно отходят на второй план по сравнению с достижениями в сфере культуры, науки, массовых коммуникаций и индустрии развлечений, исследователи отмечают и то, что репрессивные механизмы постепенно захватывают именно эти сферы эстетической и

¹ Бурсевич, В.В. Механизмы идеологического манипулирования личностью в современном социуме (концепция Франкфуртской школы и ее альтернативы) / В.В. Бурсевич // Личность в межкультурном пространстве: Материалы V Международной научно-практической конференции, посвященной 50-летию РУДН. Москва, 18-19 ноября 2010 г. Ч1. – М.: РУДН, 2010. – С. 142-148.

культуросозидающей деятельности. Последние под давлением идеологических изменений превращаются в культуриндіустрию – целую отрасль по производству культуры как товара, полностью соответствующего и воспроизводящего доминирующую идеологию и модель социального устройства.

Поскольку господство в современном обществе строится на основе «технической рациональности» (Хоркхаймер М., Адорно Т. В., 1997), т.е. на принципах управляемости, стандартизации и серийности, механическом репродуцировании не только товаров, но и идей, самого типа мышления, рациональность производства выливается в рациональные и продуманные способы подавления и манипулирования, «развитие машины уже обернулось развитием машинерии господства» (Хоркхаймер М., Адорно Т. В., 1997). Процесс подавления личности оказывается тем более простым, чем более «одномерным» становится мышление человека, которое сегодня выстраивается на основе отрицания всего, что не укладывается в заранее заданные шаблоны. Индексация, унификация и квантификация, которые способствуют превращению личности в товар, становятся механизмами работы самого мышления, в котором главную роль приобретают истины идеологии, основанные на принципе и «технике идиомы» (Хоркхаймер М., Адорно Т. В., 1997), т.е. формировании в сознании устойчивых стереотипов, которые обретают огромную воздействующую силу и ореол естественности и универсальности.

Идеологии нового общества, по мнению франкфуртцев, уже не репрезентируют локальные интересы социальных групп. Процессы массовизации, захватившие социум, низводят вопрос классовой принадлежности на периферию социальных проблем. «Технократическое сознание является, с одной стороны, «менее идеологическим», нежели все предшествовавшие идеологии, так как оно лишено ослепляющей силы, которая лишь имитирует соблюдение интересов. С другой стороны, доминирующая теперь скорее прозрачная идеология заднего плана, превращающая науку в фетиш, является более непреодолимой и всепроникающей, чем идеологии старого типа», – отмечает Ю. Хабермас (Хабермас Ю., 2007). Взамен старых классовых идеологий приходит эра новой эрзац-идеологии, которая в отличие от локальных идеологий, защищающих интересы отдельных групп, ставит под угрозу эмансипацию всего человеческого рода и затемняет для рефлексии реальные основы общества.

Основными механизмами этой новой тотальной и тоталитарной идеологии становятся, во-первых, отвлечение человека от действительно важных социальных проблем путем создания ложных потребностей и последующего их удовлетворения

средствами культуриндустрии: ведь «быть удовлетворенным означает быть согласным» (Хоркхаймер М., Адорно Т. В., 1997). В свою очередь, навязывание товара и удовольствия как фетиша оборачивается конструированием, с одной стороны, суррогатных идентичностей, основанных на копировании сходства с другими и конформизме, а с другой – псевдоиндивидуальности как призрачной альтернативе подчинению. Теперь любая идентичность выставлена на продажу; заплатив ту или иную сумму денег, можно приобрести общественный статус и самоуважение, или даже претензию на оригинальность и эксцентричность. Так посредством идеологических механизмов, названных Л. Альтюссером «интерпелляцией» (Althusser L., 2008), происходит превращение личности в объект воспроизводства, обеспечивающий общественную солидарность и добровольное подчинение идеологическим стереотипам. В таких условиях различия и особенности остаются лишь видимостью, «вплоть до терпимого либерального мультикультурализма как опыта Другого, лишенного своей «другости» (Жижек С., 2002), что приводит к подмене подлинного жизненного выбора на фальшивый выбор потребления.

Опасность идеологических механизмов современного социума состоит в том, что они покинули область абстрактных идей и превращаются во вполне реальные и действенные идеологические практики, наполняющие повседневное существование обычного человека. Одним из способов их реализации оказывается язык, по мнению многочисленных представителей критической традиции, являющийся лишь пассивным средством идеологического воздействия. Язык современного общества – это оруэлловский закрытый ритуально-авторитарный язык, который не ищет и не объясняет истину, но транслирует массам решения и приказы.

Для сохранения живой человеческой природы, необходимо прорвать всеобщее овеществление, однако все, что исследователи могут противопоставить современному положению вещей – это критику как полагание предметом своего мышления его само и состояние общества, определяющее это мышление. Как откровенно пишет Г.Маркузе: «Критическая теория общества не располагает понятиями, которые могли бы перебросить мост через пропасть между его настоящим и будущим; не давая обещаний и не демонстрируя успехов, она остается негативной» (Маркузе Г., 1994).

Однако не все исследователи настолько пессимистично оценивают процессы, происходящие в социуме, и находят более действенные способы и лазейки для возможного сопротивления идеологическому влиянию. Одним из таких вариантов оказывается, например, ирония. Однако ироник не столько взрывает идеологические

стереотипы, сколько, пусть негативным образом, способствует их воспроизводству. Кроме того, как отмечает П. Слотердайк именно ирония в форме «цинического разума» стала отличительной особенностью современной эпохи.

Иной вариант – не выстраивать ментальные опосредующие звенья по отношению к жизни, но оказывать сопротивление на уровне самой повседневности, которая, не смотря на подавление идеологией, всегда предлагает перечень сугубо индивидуальных тактик и практик, проанализированных М. де Серто, в которых оказывается возможным найти собственное лицо и свободу самовыражения. Что на сегодняшний день и демонстрируют ростки демассовизации, благодатной почвой для которых является обширное пространство Интернета.

Представители же различных направлений дискурс-анализа, исследующие, как идеологии воплощаются в обыденных и институализированных разговорах и текстах, в свою очередь отмечают, что, не смотря на свою воздействующую силу, дискурсы, тексты и визуальные знаки, тем не менее, могут быть восприняты по-разному. Как демонстрирует, например, Т. ван Дейк, отношения идеологии и языка оказываются весьма не простыми и не однозначными. Невозможность простого реконструирования того или иного типа идеологии в конкретном культурном тексте или речевой практике связана с тем, что субъекты речи оказываются носителями не одного типа идеологий, но многих, часто противоречивых идеологических ценностей, поскольку являются одновременно членами различных групп (Dijk van T. A., 2006). Кроме того, сообщения прочитываются нами всегда в конкретном культурном контексте. Это означает, что даже самые прямолинейные идеологические сообщения не могут быть элементарно «считаны» с реальных текстов и разговоров, но всегда оказываются вплетены в событийное пространство личности, ее уникальную биографию и историю.

Как отмечают представители теории дискурса Э. Лакло и Ш. Муфф даже в самой закрытой социальной системе всегда существуют области с неустановленными и плавающими значениями, за фиксирование которых и происходит постоянная борьба между идеологиями. Любое общество не может быть монолитом, но скрывает в себе социальный антагонизм, где идентичности и системы идеологических ценностей борются и исключают друг друга. В наивысшей степени это касается информационного общества с его разорванной субъективностью, в котором реальной альтернативой, как подчинению властному манипулированию, так и хаотической неопределенности, оказывается бросание себя в дело, в творчество, в том числе и политическое, в ходе

которого и осуществляется активный и сознательный выбор собственной идентичности.

Это не значит, конечно, что идеологии нивелируются информационным обществом. Ни о какой деидеологизации не может быть и речи. Однако именно в силу того, что современный социум полон различных культурных кодов, ценностных миров, а следовательно, и идеологий, эта множественность не дает какой-либо одной из них полностью захватить социальное пространство. Идеологиям остается лишь вести конкурентную борьбу за гегемонию, при том условии, что ни одна из них уже не сможет более претендовать на универсальную артикуляцию реальности.

Литература

- Жижек С. Добро пожаловать в пустыню Реального. – М., 2002. – 160 с.
- Маркузе Г. Одномерный человек. Исследование идеологии развитого индустриального общества. – М., 1994. – 368 с.
- Маркузе Г. Эрос и цивилизация. – М., 2003. – 312 с.
- Хабермас Ю. Техника и наука как «идеология». – М., 2007. – 208 с.
- Хоркхаймер М., Адорно Т. В. Диалектика Просвещения. Философские фрагменты. – М., 1997. – 310 с.
- Althusser L. Ideology and Ideological State Apparatuses // On ideology.– London, New York, 2008. – P. 1-61.
- Dijk van T. A. Ideology and discourse analysis // Journal of political ideologies. – 2006. – 11(2). – P. 115-140.